

Северная Осетия

ИСТОКИ

БУЛАТ ГАЗДАНОВ:

Я родился с гармошкой в руках

"Не то! Вслушивайся в музыку внимательней. Танцор должен быть гордым, как тур, а в твоём танце у него плечи то поднимаются, то падают. Ровнее..." Голос доносится из-за плотно закрытых дверей, после замечания музыка на миг замирает, и неудавшийся такт поновому ложится на клавиши гармошки. Булат Газданов впускает меня в кабинет, но урока со своей ученицей не прерывает.

- Способная девочка?
- Да, быстро схватывает.
- Вообще, чтобы стать музыкантом, нужно им родиться, или музыкальность - из благоприобретенных рефлексов?
- Ну! Люди по породе и родословной даже собак выбирают. Что генетически заложено, то и важно.
- А вы когда почувствовали свою генетическую предопределенность?
- Не знаю. Я с детства играл на гармошке. И самая старшая сестра играла, отец (его я почти не знал) прекрасно пел. Помню, любая свадьба, праздник - танцы, песни! Раньше у нас ведь молодежь никогда не садилась за стол. Танцы - ее дела, застолье - прерогатива старших, верно?
- Какое самое сильное музыкальное впечатление детства?

- У меня рано умер отец. Он был уважаемый в селе человек, и хоронили его с почестями, с духовым оркестром. Я был еще мал, чтобы что-либо понять, вместе с соседскими мальчишками смотрел за происходящим через забор. Когда заиграл оркестр, я больше никого не видел и не слышал. Я не знал, что это такое - оркестр, слышал только музыку, и мне становилось не по себе. Я отбегал далеко вперед от процессии, слушал, как приближаются, гремят возле меня и удаляются звуки, потом снова обгонял толпу. Смутно помню те ощущения, но было в них что-то возвышенное.

- Детская "премьера" в качестве гармониста: где, когда, при каких обстоятельствах?

- Два эпизода, связанных с музыкой, запомнились мне более остальных в детстве. Первый - меня поднимают с постели, подносят к собранному двоюродным братом радиоприемнику, надевают наушники. Я слушаю и запоминаю звучащую мелодию. Другой раз, в село приезжает ансамбль, помню фамилию гармонистки - Хохова, ее мелодия меня поразила настолько, что уже дома ночью я не мог ни уснуть, ни проснуться окончательно, в таком полусне тетя дает мне в руки гармошку, и я играю то, что услышал. Как играл, я, конечно, не знаю, но сыграл!

- Мальчишки той поры мечтали, повзрослев, стать военными, летчиками, а их родители хотели для сыновей стези агронома, инженера, врача. Вы же поступили в училище искусств.

- Знаете, не до мечтаний было. Никто из родни даже не мыслил тогда отдать меня в музыкальную школу. Трудно жили, отец умер, нас четверо детей, мать, бабушка. Был, правда, друг дяди, он хотел забрать меня и отдать учиться музыке. Но музыкант, тем более гармонист - профессия непопулярная у нас. Потому поступать в училище меня привезла сестра подпольно, без документов, свидетельства. Повела в музпедучилище. Погода была пасмурная, здание мрачное, узкие коридоры, словом, там мне совсем не понравилось. Зато в училище искусств было светло и просторно, но там шел ремонт. Что делать? В общем, путем каких-то сестринских усилий мы попали с ней в Министерство культуры. И надо же было случиться, что в гостях у человека, к которому мы пришли на прием, как раз оказались композиторы Ко-

койти, Кулиев, Поляниченко. Кстати, там я впервые целиком увидел рояль, дека с натянутыми струнами долго валялась у нас в сельском клубе, но я думал, на ней играют, как на арфе. Так вот, меня послушали и дали направление к директору училища на духовые инструменты: гобой, фагот, кларнет. Что это за "звери", с чем их едят, я, естественно, не знал. Секретарь приемной комиссии повела меня на контрабас, который мне совершенно не понравился. Спасло положение объявление о наборе в группу осетинских народных инструментов. Этими "инструментами" оказалась домра. Что ж, домра так домра, похожа на мандолину. А на мандолине я играл в школе.

- И училище из вас "сделало" музыканта?

- Я сам сейчас преподаю. Но педагогический тех лет! До них нам расти и расти: З.Х.Туаева, Е.А.Вечеркова, Р.Л.Герман, П.М.Антонюк. Та плеяда преподавателей нас не только учила, она нас воспитывала. Торговичкий, Нусинова вели вокал. Торговичкий когда-то пел в Мариинском театре, но и в училище ходил - бабочка, жилет, трость. Нусинова вообще перед экзаменами учеников к себе домой забирала. Если кто заболел - мед, лимоны, как своему ребенку носила в общежитие. Но попробовали бы мы не поклониться при встрече преподавателю! Воспитывала нас строго, но любя.

- Вы пришли в оркестр в 1956 году, сразу после окончания училища?

- Не совсем. Оркестр народных инструментов в 1952 году расформировали, а в 1956 году объявили конкурс в новый состав. Я по конкурсу прошел. И стал работать, еще будучи студентом.

- На гармошке играли?

- Нет, сначала на домре, да я ни на что не претендовал, Сима Ревазова была солисткой. Но однажды, прямо перед концертом, Сима заболела, пришлось мне ее заменить, поскольку все ее сольные партии я знал. Совсем не волновался, просто дорвался на сцене до гармошки. Но, видимо, публике понравилось, посылались аплодисменты. Мне даже как-то неудобно стало. Потом в театр меня пригласили. И я впервые вблизи увидел знаменитых тогда актеров. Для меня они были неземными, недостижимыми людьми. Когда я еще был мальчишкой, театр к нам часто в село приезжал. В клубе ставили длинные лавки,

мне давали гармошку, устраивали перед клубом танцы. Потихоньку собирался народ, покупал билеты, и спектакль начинался. Однажды Сима Икаева, ее я считая великой гармонисткой, взяла гармошку и стала мне показывать: нужно играть, словно разговариваешь. Она умела проигрывать песню, как спектакль, образно, создавая характер. Так умеет сейчас только Сима Ревазова, одной нотой может сказать все, передать звуками слушателю целый музыкальный образ.

- Сегодня многие вас считают номером первым в игре на осетинской гармошке. Вы стремились к этому, мечтали, или все получилось само собой?

- Я никогда не ставил себе целью победить, переиграть кого-то. Я родился с этим инструментом, занимался, когда у меня и гармошки-то не было, как не было денег, чтобы ее купить. Но я работал! Это моя профессия, и притом любимая. И я не понимаю, когда музыканты ленятся, не хотят работать. Если бы у меня было время, я бы не отказался играть круглосуточно.

- Но времени нет?

- Нет, потому что надо зарабатывать на существование, а это сложно.

- В настоящий момент вы осуществляете какой-то заказной проект?

- Да, я пишу музыку к спектаклю Юго-Осетинского театра. Я им в прошлом году уже делал один спектакль. О деньгах за эту работу речи нет. Они такие же бедные, как я.

- Вы испытываете иногда чувство неудовлетворенности написанным?

- Да нет, я об этом даже не думаю. Сделал - и будто груз с души. Гонка, не успеваю.

- Хорошо, а для души есть какая-то заветная мелодия, которая сама двигает пальцами, когда становится невмоготу?

- Очень люблю лирическую тему Феликса Алборова, могу импровизировать часами. Из современных авторов выделяю Жанну Плиеву. Получаю непонятное удовлетворение и удовольствие от ее сочинений.

- Булат Гаппоевич, 30 лет работы в оркестре народных инструментов ГТРК "Алании", из них 20 в качестве дирижера - целая жизнь. Есть что вспомнить?

- Видите ли, провалов у меня не было, в общем-то это были "ровные" в творческом отношении годы. Но выводят меня из колеи окружающие часто. Оркестр не котируется в республике. А почему, ведь и госансамбль, и театры народную музыку берут отсюда.

- Не приходила идея осуществить свой творческий вечер по примеру многих и многих?

- Мне это не нужно. Лучше издать те сборники моих сочинений и обработок, которые десятки лет коцуют по инстанциям. Была бы хоть польза. Но у меня нет такой возможности.

- Нельзя сказать, что настроение у вас в данный момент радужное.

- На это есть свои причины. Я живу в джунглях, где никого, похоже, не интересует ни судьба оркестра, ни судьба искусства. А его надо развивать, поднимать. Много лет назад нас вдвоем с Альбиной Баевой приглашали в ансамбль Сухишвили. Я тогда жил на набережной. Помню, было раннее утро, уезжали мы подпольно, никто не знал; поднимаясь мы с Альбиной по ступенькам, груженные чемоданами и сумками, вдруг, что мне в голову пришло, я останавливаюсь и говорю ей: зачем мы едем, там нами пользуются и выбросят. Осетины должны поднимать осетинское искусство. Мы вернулись...

- И не жалеете?

- ...Нет.

Беседу вела
К.ГОКОЕВА